

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.01/09

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Зябрева Г. А., Капустина С. В.

*Таврическая академия (структурное подразделение)
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь*

e-mail: kaf_rizl@mail.ru; Kapustina_S_V@mail.ru

В статье обобщаются теоретико-методические подходы к текстуальному (событийному, сюжетно-образному, композиционному) изучению романа «Преступление и наказание» иностранными студентами: систематизируется опыт специалистов РКИ при анализе данного произведения Ф. М. Достоевского; выстраивается целостный алгоритм этого анализа на разных этапах формирования филологической компетенции; предлагаются наиболее продуктивные принципы и способы постижения сложной художественной реальности, воплощенной автором.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», русский язык как иностранный (РКИ), художественный текст, индивидуально-авторский концепт.

ВВЕДЕНИЕ

В 2016 году исполнилось 150 лет с момента первой публикации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». За это время текст произведения был неоднократно переведен не только на основные языки Европы, Азии, стран Ближнего, Среднего, Дальнего Востока, но даже и на искусственно созданный язык эсперанто. Осмысление ключевых идей романа, его образно-поэтической структуры в целом, по мнению современных зарубежных исследователей, приближает к познанию «феномена Достоевского» как уникального аналитика «загадочной славянской души» и судьбы России. Именно поэтому иностранный студент проявляет особую заинтересованность при изучении наследия классика, стремление столь свободно овладеть русским языком, чтобы ознакомиться с главной книгой автора в оригинале.

Основной **целью** данной статьи является обобщение «наработок» предшественников в области монографического осмысления романа «Преступление и наказание» иностранными учащимися, а также составление методических рекомендаций, адекватных современным научным трактовкам первого «звена» Великого Пятикнижия.

Реализации поставленной цели способствует решение следующих **задач**:

1) систематизировать опыт специалистов РКИ при первичном прочтении романа;

- 2) выстроить целостный алгоритм его углубленного разбора на разных этапах обучения;
- 3) смоделировать наиболее эффективные подходы к постижению содержания и художественного мира произведения;
- 4) охарактеризовать на основе выработанных у студента умений и навыков идейно-философскую концепцию и поэтику книги.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Студентов, владеющих русским языком на базовом и первом сертификационном уровнях, целесообразно познакомить с адаптированным текстом «Преступления и наказания», обратив внимание на ключевые сюжетно-фабульные узлы повествования, чтобы дать самое общее представление о содержании романа, судьбах его героев. На данном этапе обучения весьма действенным оказывается использование разного рода мультимедийных средств: презентаций PowerPoint, представляющих историю замысла писателя; видеофайлов с отрывками из соответствующих фильмов; живописных слайдов (иллюстраций) с городскими пейзажами, интерьерами жилищ, портретами главных действующих лиц.

Немаловажную помощь на данном этапе освоения первоисточника может оказать комплексное учебное пособие З. Н. Потапурченко и Ю. Ю. Ушаковой «Федор Достоевский». Здесь представлена система последовательного изучения иностранцами жизни и творчества великого писателя. Она включает в себя:

- *во-первых*, просмотр учебного фильма, освещающего основные вехи биографии Ф. М. Достоевского;
- *во-вторых*, прочтение графически оформленного закадрового текста и выполнение после этого ряда заданий, связанных с ответами на устные вопросы и письменные тесты, составленные авторами, а также с пересказом основных фрагментов данного текста;
- *в-третьих*, разбор сокращенного варианта «Преступления и наказания», адаптированного под языковую культуру учащихся обозначенного уровня.

В результате у них развиваются навыки аудирования, чтения и говорения, что представляется необходимым не только для совершенствования полученных знаний, но и для дальнейшего обогащения последних.

Вместе с тем подчеркнем, что непосредственный процесс приспособления сложной художественной реальности к пониманию начинающих студентов предполагает как «упрощение» лексико-грамматической и событийно-фабульной «канвы» повествования, так и акцентуацию тех его смысловых «скреп», соединение которых не должно

искажать концептуального ядра произведения. Решить проблему выбора конкретных эпизодов для анализа крайне сложно, ведь в искусстве Ф. М. Достоевского важна совокупность и последовательность всех имеющихся деталей и подробностей. Любая произвольная трансформация текста великого мастера чревата искажением авторского замысла, чего, к сожалению, не удалось избежать и создателям упомянутого выше пособия. Так, признание Родиона Раскольникова Сонечке Мармеладовой в совершенном преступлении они подают излишне прямолинейно: «Он отправился на квартиру к Соне, чтобы рассказать ей, кто убил старуху и Лизавету» [10, с. 61]. В оригинальном же тексте главный герой до последнего момента сомневается: «В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: "Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?"» [2, с. 312] – и именно это неразрешимое сомнение является одним из проявлений того нравственного чувства, которое терзает душу убийцы, определяет муку его самоказни.

Здесь уместно напомнить, что «истинным наказанием в романе» известный достоевед О. Ю. Юрьева считает «страшную картину разрушения мира, увиденную Раскольниковым в его болезненном сне-грезе» [12, с. 151]. Эту же идею, но иной гранью, «поворачивает» один из самых тонких исследователей «Преступления и наказания» Б. Н. Тихомиров. Он пишет: «В снах Раскольникова открывается *целесообразность, жизненная необходимость, спасительность* для человечества разрушенных и отвергнутых им религиозно-нравственных абсолютов» [11, с. 36]. Но при «переложении» эпилога З. Н. Потапурченко и Ю. Ю. Ушаковой сон Раскольникова о микроскопических трихинах неоправданно изымается. Причиной этого, по всей вероятности, являются сложности восприятия языковой «стихии» финальных сцен для студентов, слабо владеющих русским языком.

Действительно, оригинальный текст послесловия насыщен особым рода лексикой: *Великий Пост, Святая Неделя; говеть, бесноватый; бить в набат; горячешный, быть в жару, поветрие (морозная язва), болезный* и др. Однако, думается, эта сложность преодолима за счет синонимизации указанных слов и выражений, а также пояснений лингвострановедческого, культурно-исторического характера. К слову сказать, все это в дальнейшем позитивно скажется на обогащении эрудиции учащихся-иностранцев.

Показательно, что к четвертому сну Раскольникова специалисты по РКИ обращались неоднократно. Продуктивным видится опыт В. В. Волкова и И. В. Гладиловой, предлагающих полный вариант этого сна для анализа иностранным студентам магистратуры, обучающимся по направлению «Филология». Поясняя необходимость их знакомства с пророческим видением главного героя, авторы дают следующий – весьма убедительный – комментарий: «Профетизм, нередко болезненный, как бы апокалипсический

– вообще характерная черта русской литературы. <...> В этом смысле сон Раскольникова, виденный "в жару и бреду", предсказывает *болезнь* всей страны, которая пандемически охватила все ее географическое, социальное, мировоззренческое пространство. Так медицинский и психологический концепт "Болезнь" обретает масштабы поистине космические» [1, с. 136–137].

Если продолжить раздумья этих исследователей, то неизбежно рождается вывод, что в последнем сне Раскольникова эксплицируется не только указанный «мыслеобраз», но и другие значимые «единицы» индивидуально-авторской концептосферы, составляющие концепт-оппозицию: «бесовщина», «беспорядок», «безобразия» / «живая жизнь», «богатство», «благообразие» и т. д., которая позволяет ощутить и особенности русской ментальности, и духовные идеалы ее выразителя – Ф. М. Достоевского.

Учащимся, достигшим в освоении русского языка второго сертификационного уровня, рекомендуются к прочтению точные, хотя и лаконичные фрагменты авторского текста, усвоить содержание которых помогает выполнение заданий, предваряющих и завершающих знакомство с этими фрагментами. На данном этапе должна быть проведена скрупулезная лексическая работа, принципы которой прошли удачную апробацию в методической практике Н. А. Лобановой и И. П. Слесаревой. Обе они совершенно оправданно концентрируют внимание обучающихся на определении семантики историзмов (*заклад; процентщица; коллежская секретарша* и т. п.), просторечных слов и выражений (*чахоточный; без зазору совести* и т. п.); характеризуют основные словообразовательные модели, применяемые писателем, и их смысловую нагрузку в контексте происходящего (*старуха – старушка – старушонка; бледный – бледноватый – бледенький* и т. п.) [8, с. 224–231].

Для иностранных читателей, свободно оперирующих знанием русского языка (третий и четвертый сертификационные уровни), открывается возможность углубленного анализа «Преступления и наказания». Специалисты в области РКИ сходятся во мнении, что в данном случае крайне важно совершенствование лингвокультурной компетенции обучающихся, в связи с чем следует активизировать лингвоконцептологический подход к художественному материалу. В этом плане показательна точка зрения Е. Р. Переслегиной, высказавшей общее убеждение в том, что «презентация ключевых национально маркированных концептов <...> языка в иностранной аудитории является эффективным средством оптимизации учебного процесса» в целом [9, с. 342]. К сказанному, однако, следует добавить, что серьезное освоение текста любого классического произведения позволяет реконструировать также единицы

индивидуально-авторской концептосферы, отражающей мировоззренческие и поэтологические предпочтения того или иного писателя, определить его персональный вклад в создание картины мира, свойственной отечественной словесности.

Обоснованию функциональной значимости системного изучения индивидуально-авторских концептов посвящен ряд наших публикаций, где на основе разработанных теоретических положений предложена модель рассмотрения концепта как «базисной категории мировоззрения писателя, запечатленной в художественной ткани его произведения (ряда произведений)» [3, с. 3–12], [5, с. 3–33]. Эта модель нашла успешное применение при анализе творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, в том числе романа «Преступление и наказание».

Увязывая краткий экскурс в историю с целенаправленным поиском ключевых «мыслеобразов» в структуре данного текста, мы напоминаем учащимся, что время создания романа справедливо называлось «беспорядочной эпохой». Ведь на заре 1860-х годов завершились реформы Александра II, наступил «переходный период», настораживающий Ф. М. Достоевского своей необратимостью, разрывом с прошлым, нечеткостью отдаленных перспектив. Именно поэтому в «Преступлении и наказании» писатель масштабно реализует концепт «беспорядок», показывая окружающий мир сдвинутым в самых своих основах, отравленным заботой о «золотом тельце». Культ денег заменил здесь все, благородство происхождения, сословные привилегии, воспитание, образование, честь, талант. Поэтому в текущей действительности процветают и благоденствуют дельцы и мошенники, ростовщики и домовладельцы, лужины и свидригайловы, алены ивановны и амалии людвиговны. Зато совершенно невыносимо живет чиновному и рабочему люду, обедневшим дворянам, студентам и гувернанткам, Мармеладовым и Капернаумовым, Раскольниковым и Разумихиным. Каждый из них стоит перед дилеммой: согласиться с бездушной и безумной реальностью (ростом неравенства, безработицей, распадом семьи, пьянством, преступностью, проституцией) и попытаться приспособиться к ней или, напротив, отвергнуть больной, разлагающийся мир и вступить в самозабвенную борьбу с ним.

В наитеснейшей связи с концептом «беспорядок» находится у Ф. М. Достоевского концепт «двойственность» / «двойничество». Мы объясняем, что раздвоение человека писатель считал не фатальным, но глубоко укорененным его качеством, а истоки этого феномена видел в поврежденности людей первородным грехом. Возможность же преодоления глубокого внутреннего разлада связывал с наличием в душе каждого веры в высшее начало бытия, с наличием совести и любви как закономерных порождений религиозного сознания.

В ходе анализа подводим студентов к мысли о том, что Родион Раскольников лишен внутренней цельности, поскольку далек от нравственного кодекса многих поколений и руководствуется в своих поступках в первую очередь соображениями «казуистики», а не импульсами нерассуждающего добра, непосредственной привязанности к ближнему. Тем не менее именно стихийное сопереживание обездоленным толкает его к неприятию действительности, к поискам путей ее изменения. Правда, разведывая эти пути, герой одновременно проявляет и презрение к окружающим, которых готов едва ли не силой загонять в будущий рай на крови, на спланированном неравенстве «наполеонов» и «твари дрожащей». Данные «мыслеобразы» в качестве субконцептных по отношению к понятию «беспорядок» также получают всестороннее объяснение.

Чрезвычайно оживляет изучение романа введение в анализ полемического контекста. Иностраный студент узнает, что современные исследователи до сих пор спорят о мотивах убийства студентом-юристом отвратительной, но в целом довольно жалкой старухи-процентщицы. Одни [7] объясняют случившееся его альтруизмом, стремлением освободить мир от зла, олицетворенного в образе Алены Ивановны. Другие [6] трактуют происшедшее как эксперимент индивидуалиста, предпринятый для проверки способности «переступить через кровь», а значит, и возвыситься над «людским муравейником». Мы доказываем, что концепция двойственности образа Раскольникова позволяет совместить обе точки зрения и увидеть трагическую «рассогласованность» его ума и чувств, разума и эмоций.

По мысли Ф. М. Достоевского, подобная «рассогласованность» чрезвычайно опасна как для мира внутреннего, так и для мира внешнего. Человеку она грозит психическими срывами, духовной гибелью, а жизни в целом – укреплением социального и морального беззакония, перспективой Апокалипсиса. Действительно, отвергая несовершенство сущего, «разлаженная», деструктивная личность и ведет себя разрушительно. Заветам «не убий», «не укради», «не пожелай...» она противопоставляет принципы «убей», «укради», «все позволено». Терпению, смирению и кротости предпочитает практику агрессии, волюнтаризма, насилия.

Посредством вопросно-ответной беседы, обсуждения проблемы правоты/неправоты, вины или беды Раскольникова постепенно подводим студента к тому, что Ф. М. Достоевский не мог не искать способов преодоления человеческой «расколотости», достижения единства между чуткой душой и заблудшим разумом. Именно поэтому им задаются и концепты с «положительной» смысловой нагрузкой: «преображение», «воскресение», «живая жизнь», «богатырство» и т. д.

Основополагающей для романа «Преступление и наказание» является концепт-оппозиция, зафиксированная в его названии. В понимании студента-

иностранца преподавателем формируется мысль, что в романе доминирует не «преступление», то есть «переступание» через нравственный запрет, а «наказание», то есть страдание из-за содеянного. При этом подчеркивается, что второе предшествует первому. Принято думать, будто таким образом развенчивается теория наполеонизма, карается ее создатель и приверженец. Но страшнее наказания, чем участие в преступлении – да еще двойном убийстве – для автора нет! А в выдвинутой теории на протяжении всего романа Раскольников так и не разочаровывается!

Учащиеся ставят перед дилеммой: почему тогда Ф. М. Достоевский мучает Раскольникова сомнениями в себе, потерей самоуважения; почему терзает страхом, отчуждением от близких и дальних; почему, наконец, изводит галлюцинациями, приступами сумасшествия? В ходе дискуссии устанавливается, что это делается с целью возродить героя, выжечь в его сознании ложное и привести к духовному катарсису – очищению потрясением. В натуре персонажа содержатся все предпосылки к этому, ведь антигуманная идея так и не смогла съехать в нем «гражданина и человека», «Шиллера и идеалиста». Он оказался гораздо сердечнее, милосерднее, чем думал о себе сам. Поэтому-то, прощая Раскольникова, писатель просто освобождает его от дурного мудрствования и погружает в безначальный и бесконечный поток бытия, поток любви Сонечки Мармеладовой.

Заостряя внимание на ее образе, снимаем ореол героизации с поступка девушки и показываем, что ее жертва тоже оборачивается переступанием через заповеди «не убий» (саму себя), «не прелюбодействуй» (даже ради спасения других). Но в отличие от Раскольникова, Сонечка предстает кающейся грешницей, сознающей свое недостойство и надеющейся избыть его. Вера во Христа, убеждение в милосердии Божием делают Софью Семеновну заступницей несчастных и униженных, спасительницей не только слабосильных детей Катерины Ивановны, но и гордого Раскольникова. В ее лице автором нарисована натура, которой присущи черты духовного «богатейства», разрушающего преграды на пути к «живой жизни», то есть жизни естественной, дарованной Богом для совершения добра. Именно такая жизнь и поглощает ложную идею главного героя, который на наших глазах переживает преображение души.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ перечисленных и других индивидуально-авторских концептов Ф. М. Достоевского знакомит читателя-иностранца с оригинальным миропониманием русского гения, помогает постичь глубины его христианской мысли и пути воплощения последней в философски насыщенном Русском Слове.

Завершающим аккордом в осмыслении романа является просмотр – теперь уже на новом уровне восприятия – отрывков из известных отечественных и зарубежных экранизаций произведения с итоговым

**«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ РКИ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИИ**

обсуждением их соответствия литературному тексту. Благодаря всему этому, иностранные учащиеся, с одной стороны, повторяют пройденное, а с другой – на основании интерсемиотического подхода получают дополнительное эстетическое впечатление о самом совершенном сочинении Ф. М. Достоевского.

Список литературы

1. Волков В. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: учебное пособие / В. В. Волков, И. В. Гладилина. – Тверь: Издатель Кондратьев, 2014. – 73 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 тт. Т. 6 / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, 1973. – 422 с.
3. Зябрева Г. А. Концепт в литературоведении: к обоснованию дефиниции / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – Вып. 4. – С. 7–15.
4. Зябрева Г. А. Изучение в школе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Г. А. Зябрева // Методические студии – 2013: сборник научно-методических работ. – Симферополь, 2013. – С. 4–28.
5. Зябрева Г. А., Капустина С. В. «Концепт» в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) / Г. А. Зябрева, С. В. Капустина // Концепт: грани понятия в современной науке [коллективная монография]. – Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2015. – С. 4–44.
6. Карякин Ю. Ф. Самообман Раскольникова / Ю. Ф. Карякин // Достоевский и Апокалипсис. – М.: Фолио, 2009. – С. 18–227.
7. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова // Избранные работы в трех томах / В. Я. Кирпотин. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 3. – С. 16–163.
8. Лобанова Н. А. Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс / Н. А. Лобанова, И. П. Слесарева. – М.: Русский язык, 1988. – 244 с.
9. Переслегина Е. Р. О некоторых приемах презентации национально маркированных концептов на уроках русского языка как иностранного / Е. Р. Переслегина // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского, 2011. – № 6 (1), – С. 342–344.
10. Потапурченко З. Н. Федор Достоевский: комплексное учебное пособие для изучающих русский язык как иностранный / З. Н. Потапурченко, Ю. Ю. Ушакова. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 80 с.
11. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий / Б. Н. Тихомиров. – СПб.: Серебряный век, 2005. – 460 с.
12. Юрьева О. Ю. Достоевский в школе. М.: Дрофа, 2007. – 320 с.

**"CRIME AND PUNISHMENT" BY F. DOSTOYEVSKY IN THE PROCESS OF LEARNING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: ANALYTICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

G. A. Zyabreva, S. V. Kapustina

This paper has two main objectives. First, it summarizes the methodological theories of the textual aspect of teaching Crime and Punishment to foreign philologists. Secondly, it contains methodological recommendations, which correspond to modern scientific interpretations of the novel. The achievement of these objectives is linked to solving the following problems: 1) to systematize the experience of RFL specialists in initial analysis of this novel; 2) to build a holistic algorithm of this analysis at different stages of learning; 3) to identify the most productive methods and approaches to understanding the intricate fictional reality constructed by the writer; and 4) to model a consistent philosophical concept of Crime and Punishment on the basis of the existing skills.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, Crime and Punishment, Russian as a foreign language (RCTS), literature, individual author's concept.

References

1. Volkov V.V., Gladilina I.V. *Hudozhestvennyy tekst v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: uchebnoe posobiye* [Literary text in teaching Russian as a foreign language: textbook]. Tver', Kondratiyev's Publ., 2014. 73 p.
2. Dostoyevsky F.M. *Polnoe sobraniye sochineniy: v 30 tomah* [Complete Works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., Vol. 6, 1973. 422 p.
3. Zyabreva G.A., Kapustina S.V. *Koncept v literaturovedenii: k obosnovaniyu definicii* [The concept in literary studies: rationale definitions] // *Khudozhestvennaya konceptosfera v proizvedeniyah russkikh pisateley* [Art conceptual sphere in the works of Russian writers]. Magnitogorsk: Vol. 4. 2012. Pp. 7–15.
4. Zyabreva G.A. *Izuchenie v shkole romana F.M. Dostoyevskogo «Prestuplenie i nakazanie»* [The study in the school of F. Dostoyevsky's novel "Crime and punishment"] // *Metodicheskiye studii – 2013* [Methodical Studies – 2013]. Simferopol, 2013. Pp. 4–28.
5. Zyabreva G.A., Kapustina S.V. *«Koncept» v literaturovedcheskom diskurse (na materiale tvorchestva N. V. Gogolja i F. M. Dostoyevskogo)* [The concept in the literary discourse (on the material of creativity of N.V. Gogol and F.M. Dostoyevsky)] // *Koncept: grani ponyatiya v sovremennoy nauke* [Facets of the concept in contemporary science]. Noginsk, ANALITIKA RODIS, 2015. Pp. 4–44.
6. Karyakin Yu.F. *Samoobman Raskolnikova* [The self-deception of Raskolnikov] // *Dostoyevskiy i Apokalipsis* [Dostoyevsky and the Apocalypse]. Moscow, Folio Publ., 2009. Pp. 18–227.
7. Kirpotin V.Ya. *Razocharovaniye i krusheniye Rodiona Raskolnikova* [The disappointment and the collapse of Rodion Raskolnikov] // *Izbrannyye raboty v 3 tomah* [Selected Works in 3 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ. Vol. 3, 1978. Pp. 16–163.
8. Lobanova N.A., Slesareva I.P. *Uchebnik russkogo yazyka dlya inostrannykh studentov-filologov* [Russian language textbook for foreign students-philologists] Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 244 p.
9. Pereslegina Ye.R. *O nekotorykh priemakh prezentatsii nacionalno markirovannykh konceptov na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo* [About some of the techniques of the presentation of the national bulleted concepts on the lessons of Russian as a foreign language] // *Vesnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod N. Lobachevsky University]. No 6 (1), 2011. Pp. 342–344.
10. Potapurchenko Z.N. *Fyodor Dostoyevsky*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2011. 80 p.
11. Tikhomirov B.N. *«Lazar! Gryadi von». Roman F. M. Dostoyevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii* [The novel by F.M. Dostoyevsky "Crime and punishment" with a modern twist]. St. Petersburg, Serebryanyj vek Publ., 2005. 460 p.
12. Yuryeva O.Yu. *Dostoyevsky v shkole* [Study of Dostoyevsky in school]. – Moscow : Drofa Publ., 2007.